

Глава 1

ВСЕ ХОТЯТ В «ГРЕЗЫ»!

— **О**т таких предложений не отказываются, Васнецова! Ты хоть понимаешь, как тебе повезло?

— Понимаю, Галина Петровна.

Заведующая любимой кафедрой заметно обрадовалась и повысила голос так сильно, что сотовый завибрировал в моих руках.

— Вот и молодец! Молодчина! — непонятно зачем подбадривала она меня. — Да я сама не позволю упустить такие шансы, вы же мне как дети...

Это ее «как дети» уже стало притчей во языцех, над которой студенты устали смеяться. Но если уж совсем откровенно, то она не преувеличивала — Галина Петровна, главный человек кафедры «Туризм и отельный бизнес», на самом деле радела за всех своих подопечных. Или хотя бы за тех, в ком видела неподдельное рвение. Я оказалась в числе фаворитов, и этому факту стоило порадоваться. А я не только не впала в блаженный экстаз, но и не удержалась от вопроса:

— Галина Петровна, а Большая восьмерка тоже все лето будет в «Грезах»?

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

К счастью, она не стала притворяться, что не поняла, о ком речь. Но таким аргументом ее с цели сбить было невозможно:

— Скорее всего! И что с того, Васнецова? Ты думаешь, тебя на практику в руководство отеля возьмут? Хорошо, если в хозчасть. Совсем отлично, если хоть неделю позволят за стойкой постоять! Ты с... эм-м... остальными студентами нашего вуза даже встречаться там не будешь, прости за откровенность — разного полета птички. Так каков будет твой положительный ответ? Клянусь твоим красным дипломом, Ульяна, через семь секунд я намерена разговаривать с Михайловым! И плевать, что у него средний балл ниже твоего, зато уже через восемь секунд он радостным галопом побежит оформлять трудовую книжку, не задав ни одного лишнего вопроса. Чувешь разницу?

Да, уговаривать она умеет. Я была бы полной дурой, если бы тут же не завопила:

— Я согласна, Галина Петровна! Огромное вам спасибо за доверие!

— То-то же! — рывкнула она, констатируя свою победу. Хотя, честно говоря, никто в таком окончании телефонного разговора и не сомневался. Теперь заведующая орала так же громко, но уже без угрожающих нот: — «Грезы» выделили только восемь мест, и давай будем реалистами, Васнецова: ни одно из этих мест не предназначалось простым смертным. Не будем и злорадствовать, а просто отметим, что наш дорогой мэр зря отправил своего любимого сына в Альпы посреди учебного года. Злорадствовать не будем, но ногу Анатолию не мы с тобой ломали, чем он и освободил одно местечко. В общем, у тебя неделя, чтобы закрыть сессию. А потом поезжай и порви там всех! — завкафедрой вдруг осеклась. Вероят-

ПРАКТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА

но, и сама поняла, что немного перегнула с боевым настроением. Закончила чуть мягче: — В смысле, заложить первый кирпичик в фундамент своего светлого будущего.

Еще несколько секунд после окончания разговора я молча рассматривала подсвеченные июньским солнцем пылинки, кружившие возле окна, а потом непроизвольно начала улыбаться — с каждой секундой все шире. Замечательная Галина Петровна была права, от таких шансов не отказываются, а моя первоначальная одервенелость связана только с шоком — не каждый день с самого утра сносят с ног настолько приятными новостями. Лучший отель побережья «Грезы русалки» предлагал не просто практику, но еще и трудоустройство на все лето. С такой первой записью в трудовой книжке я по своей специальности сделаю не один, а целых десять шагов вперед, даже если на практике не буду заниматься вообще ничем серьезным. Бренд решает все. А «Грезы» — это даже не бренд, а флагман целого рынка. Нельзя сказать, что выбор пал на меня без оснований — Галина Петровна на единственное свободное место выбирала не по человеку, а по среднему баллу успеваемости. Я заслужила! Потому имею право радоваться.

В любой бочке меда есть ложка дегтя. Устройство на летнюю практику в лучший отель по эту сторону моря могло бы снести крышу, если бы не разбавлялось менее радостным фактом: там же будет находиться вся Большая восьмерка — сборище наглых, избалованных мажоров, детей политиков и владельцев все тех же отелей. А я имела несчастье уже быть с ними знакомой. И настолько неприятным стало для меня то знакомство, что я и спустя год не могу вспоминать о нем, не поморщившись. Хуже всего то, что удар пришелся в самое уязвимое мое место.

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

Тогда я только приехала в этот город и еще пребывала в уверенности, что плохое оставила в Москве, а здесь, на фоне бесконечного солнца и сумасшедше красивого моря, никогда ничего плохого не случится. Особенно со мной, всему важному наученной. До того момента мне казалось, что я достигла состояния неуязвимости. У каждого в шкафу свои скелеты, и мои мне подсказывали, что не стоит привлекать к себе лишнего внимания, потому я никогда не использовала косметику, а одеваться предпочитала очень скромно. На фоне Верочки, моей двоюродной сестры, я выглядела вообще серой тенью.

Дядя Сережа навещал нас в Москве в новогодние праздники. Тогда же неожиданно предложил мне переехать к ним и перевестись в другой институт, где училась его дочь. С ней мы были просто обречены стать подружками, а места для еще одного жильца у них дома хватит. Я раньше о подобном не мечтала, но стоило услышать про туристический бизнес, который сулил мне тот самый вуз, как сразу же начала мечтать. Предложил дядя Сережа это, скорее всего, для проформы, отреагировав на мое заявление, что я хотела бы уехать из столицы. Ему просто к слову пришлось, вином и приятной компанией навеялось, — именно так и восприняла моя мама, отмахнувшись. А я зацепилась, буквально надела на маминого брата, едва не насильно принимая его приглашение. В итоге так все и решилось: ему от своих слов было отказываться совестно, и мама сдалась. В тот момент я не думала о том, что доставляю родне неудобства своим переездом. Мне было настолько невыносимо оставаться дома, что я наплевала на их неудобство.

Тетя Римма, увидев на пороге не только мужа, но и племянницу с вещами, предсказуемо в восторг не

ПРАКТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА

пришла, но развела руками и приняла гостью. Верочка, их единственная дочь, вообще не могла скрыть первого раздражения: ей просто навязали компанию человека, с которым она общалась всего несколько раз за предыдущую жизнь. Мне удалось перевестись в ту же группу, где училась она, разницу в программе я сдала в рекордные сроки. Последнее очень позитивно сказалось на отношении ко мне преподавателей, а одногруппники вообще с легкостью приняли новенькую, которая явно не претендовала на роль королевы вуза. Не клеилось у меня только с Верочкой. Нас с ней роднила одинаковая фамилия, но на этом все сходства заканчивались — если во внешности еще можно было хоть что-то похожее найти, то характеры отличались полярно.

Надо отдать Верочке должное — смирившись с моим присутствием в ее доме и в ее институтской группе, она пыталась найти со мной хоть какой-то общий язык. Из последних сил она втягивала меня в обсуждение маникюра, клубов или парней, однако сдалась, поскольку я не могла поддерживать ее в этой болтовне. Меня действительно, без преувеличения, не интересовала ни собственная внешность, ни мужчины и ничего из того, что не касалось учебы. Я, со своей стороны, тоже делала шаги навстречу, объясняя причины такой позиции, но Верочка от моих попыток только хмурилась, так и не понимая:

— Тебя там изнасиловали, что ли?

— Нет, конечно! Вера, ты меня не слушала?

Сестра тут же успокоилась и отмахнулась, потеряв интерес к деталям. Собственно, это и был самый откровенный разговор между нами. После я только кивала и агакала, слушая очередной бред про какого-то красавца Германа, в которого Верочка влюблена со дня

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

поступления. А она кивала и агакала, когда я пыталась увлечь ее разговорами о новом факультативе или интересном проекте. У нас не находилось ни единой точки пересечения интересов, а я уже мысленно желала ей счастья с этим самым парнем, обладателем нерусских имени и фамилии, лишь бы она угомонилась и оставила меня в покое. Верочка была глуповатой и завистливой, но внешне очень миленькой: родственное сходство между нами можно было заметить только в одинаковых зеленых глазах. Верочка — ниже ростом, зато она могла похвастаться более женственной фигурой, волосы ее рыжее моих, что добавляло ей яркости и очарования, но черты лица — немного пухлые, если не сказать детские — подчеркивали легкую инфантильность и в об разе, приводя его в соответствие с характером. Не первая красотка в городе, но умеющая себя преподнести, подчеркнуть достоинства одеждой и макияжем, чего я принципиально не делала. Влюбляются и за меньшее. Вот пусть у сестры личная жизнь так заладится, чтобы ей стало некогда загружать мой мозг ежедневной и абсолютно неперевариваемой информацией о всяких Юрах-Анатолях-Германах. Верочка все это время мне казалась куколкой-пустышкой, на которую только смотреть приятно, сама же я себе виделась скалой, битком набитой драгоценностями, а неказистость наружности лишь прибавляла очков к харизме.

Но жаловаться мне было не на что — первый курс я оканчивала в другом вузе и в другом городе, а ощущала себя так хорошо, будто бы именно здесь и должна была оказаться. Сессия была закрыта на одни пятерки, и радость от этого перекрывала даже тот факт, что через пару дней я собиралась лететь в Москву, чтобы провести каникулы с мамой. Ведь потом я вернусь снова — сюда,

ПРАКТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА

где бесконечное море и воздух пахнет неосознаваемым счастьем. И буду рада видеть вечно хмурую тетю Римму, и вечно болтающую о мальчиках Веру, потому что они часть этого нового для меня мира.

Быть может, этот запах и перепутал мои мысли, когда мы возвращались с Верочкой в троллейбусе домой, сдав последний экзамен. Сестра втыкала в телефон, не обращая на меня внимания, а я, не желая садиться на свободное место рядом с ней, стояла и улыбалась улицам, мелькавшим за окнами. И вдруг Верочка сильно вздрогнула, заметно напряглась, вытянулась, прислушиваясь к шумной компании, что вошла в заднюю дверь на предыдущей остановке. Резко повернулась, все сильнее удивляя меня вытягивающимся лицом.

— Ульяна, это же Керн...

Я не поняла смысл ее фразы и переспросить не успела. На меня налетели сзади, обнимая и прижимая к себе. А потом и вовсе поцеловали в висок, выдыхая радостно:

— Иришка, черт тебя возьми, ты когда приехала? Почему не позвонила-то?

Мужчина прижимал меня к себе сильно, не позволяя легко вывернуться. Меня замутило, до судорог скрутило от отвращения, что какое-то постороннее чмо меня лапает, потому и мой рык прозвучал резко, заставляя всех пассажиров покоситься в нашу сторону. После этого я сразу получила свободу, отлетела на пару метров, едва не снеся с ног другого пассажира, и посмотрела на своего обидчика.

Парень, едва ли намного меня старше, удивленно хлопал ресницами.

— Ой, — единственное, что он сказал после драматической паузы.

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

— Вот именно. — Я чувствовала, как злость отступает, но все же обозначила свое отношение: — Никакая я тебе не Иришка, и не смей меня трогать!

— Ой, — повторил он, уже начиная улыбаться. — А со спины и не отличишь. Извини, пожалуйста. Ой.

Обознался, конечно, перепутал с какой-то знакомой. Потому улыбается теперь так изумленно, тушуетя и глупо ойкает. Я уже успокоилась, отмахнулась и тоже улыбнулась в ответ:

— Ничего страшного, бывает. Ты тоже извини за реакцию.

Я ждала, когда он наконец-то отойдет и позволит мне встать на прежнее место, но парень все смотрел и улыбался — и, должна признать, улыбался он совершенно очаровательно. Высокий, широкоплечий, русоволосый, глаза — светлые, почти серые. Но такой цвет обычно сильно меняется, в зависимости от одежды, и может колебаться от насыщенного синего до почти бесцветно-металлического. Однако красивым его делала именно улыбка — открытая, широкая, смущенная. Обескураживающая. Мне кажется, что такие люди могут рождаться только на берегу моря — лишь у детей, выращенных на бескрайнем солнце, бывают такие улыбки, будто впитавшие яркие блики.

— Ты точно не Иришка? — задал он совсем уж нелепый вопрос.

— Точно-точно, — я не могла не улыбаться. Стоило бы снова начать смотреть в окно, потому что пока я смотрела на налетчика — улыбалась, как форменная дура. Хотя, уверена, весь троллейбус улыбался, глядя на него. Очаровательный балбес. Точно очаровательный и точно балбес.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА

— А кто? Не то чтобы я интересовался, как тебя зовут, но мне срочно надо удостовериться, что ты не Иришка! Потому что на ощупь — Иришка.

Позади нас хохотнула какая-то женщина.

— Да не Иришка я!

— А кто? — Он добавлял в голос броневой наглости.

— Ульяна, — ответила я, не в силах сопротивляться напору. — Доволен?

— Более чем, — обрадовался он и тут же позвал другим тоном, едва не мурлыкая: — Ульяна!

— Что?

— У меня проблема, Ульяна. Не одолжишь ручку? Черт, мне срочно нужна ручка! Ульяна, ручку или карандаш дай! — он говорил все громче и быстрее.

Я окончательно растерялась, но порылась в сумке и быстро нашла в кармашке то, что он просил.

— А листок есть? — Этот наглец вообще закусил губу и заглядывал ко мне в сумку с видом любопытного ребенка. — Зачем мне карандаш без листа?

Я вынула и блокнот, выдернула оттуда лист, протянула. Но парень покачал головой и заявил:

— Нет, сама пиши, у меня руки заняты.

— Чем?

— Вдруг ты падать начнешь, и мне придется тебя ловить. Вот тогда и порадуешься, что я в тот момент всякую ерунду не держал!

— А что я писать-то должна?

— Как что? Свой телефон, конечно.

Теперь к хихикающей женщине присоединилось еще несколько веселых пассажиров. Уже до всех дошел смысл представления. Даже до меня, отчего я невольно начала краснеть. Покачала головой.

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

— Так ты специально на меня налетел? Извини, но... Он не сбавлял тона, чем смутил меня еще сильнее:
— Только не говори, что проблема во мне! Если бы каждый раз, когда мне отказывает красивая девушка, я получал сто рублей, то у меня сейчас бы было... сто рублей!

Ему удалось выбить меня из колеи окончательно.

— Красивая девушка?

— Ульяна, срочно, телефон! Ты разве не видишь, что я без твоего телефона совсем пропаду? Уже моя остановка. Решай. Решай за нас обоих, Ульяна!

Давно я определилась, что мне не интересна всякая романтика. Потому не красилась, потому делала все, чтобы не привлекать к себе внимания. И вот он передо мной — смотрит так, что я просто не могу собраться. И вдруг понимаю — мне действительно хочется, чтобы он мне позвонил. Наверное, я не успела затюкать в себе ванильные потребности окончательно, а этот симпатичный балбес с очаровательной улыбкой так запросто вытащил их наружу и дал тем самым потребностям право голоса, что я обо всех настройках забыла. Забыла и о том, как раздражалась совсем недавно, когда Верочка влюбленной дурой болтала мне о какой-то сахарной чуши. Я написала цифры и отдала лист ему. Он напоследок сжал его в кулаке, подмигнул и развернулся, чтобы уйти. Странное знакомство — я даже имени его не спросила, так смутилась.

Тролейбус остановился, парень выскочил наружу, а следом за ним вышли еще четверо человек, что стояли на задней площадке. Блондинка взяла его под локоть и звонко засмеялась, поглядывая на меня, а невысокий шатен сказал, ничуть не приглушая голос:

ПРАКТИЧЕСКАЯ РОМАНТИКА

— Десять из десяти, Гер! Да как ты их вообще разводишь?

И тот самый парень ему ответил, не оборачиваясь:

— Боже, храни страшных лохушек! Все, это была десятая, Мишель, сегодня же перепишешь тачку...

Конец разговора я не расслышала, поскольку двери закрылись. Я все еще глупо улыбалась, больше по инерции, до мозга никак не доходили важные сигналы. Блондинка развернулась на шпильках, увидела меня через стекло и снова разразилась смехом. Вся компания запрыгивала в машину с открытым верхом, которая ждала их на остановке, но парень, взявший у меня номер, задержался — остановился недалеко от урны и броском профессионального баскетболиста, явно рисуясь перед друзьями, отправил туда смятый комок. Я знала, что это листок из моего блокнота, а продолжала улыбаться, потому что все еще не хотела перемещаться в очередной, уже не такой яркий, кадр своей жизни. Как и осмысливать.

Эмоции сползли с моего лица постепенно, теперь я опустила голову, чтобы ни на кого не смотреть. Скорее всего, большинство зрителей тоже поняли, что меня просто развели — некрасиво, грубо, как самую последнюю идиотку. Хуже всего был не сам обман, а моя реакция — ведь именно я была твердо уверена, что застрахована от подобных переживаний. Как так получилось, что я за две минуты забыла, как выгляжу и что меня не интересует ничего, кроме учебы и в будущем карьеры? Мне было не просто стыдно — больно. Даже не перед посторонними людьми, а перед самой собой неловко до слабеющих коленей. Какие-то придурки просто повеселились, подняли себе настроение за мой счет, и меня это растоптало вместе со всеми моими настройками.